

Н. Д. Попов
(Кота)

Гирей — моё
детство

Лирическое эссе

16+

Николай Дмитриевич Попов

Гирей – моё детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43640117

SelfPub; 2020

Аннотация

Воспоминания о детстве. Суть характера и жизни людей многонационального поселка Гирей.

Содержание

Взгляд из будущего	13
Взгляд из будущего	23
Взгляд из будущего	31
В беседке под белой акацией у Михалыча	33
Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина	39
Воспоминание прошлого	41
Взгляд из будущего	43
Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина	46
Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина	49
Взгляд из будущего	54
Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина	55
Анекдот о гирейцах от Саши Козюлина	58
Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина	66
Воспоминания из будущего	69
На скамейке у «Майора»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Прислушиваюсь... Природа нежно и по-доброму объясняет: «Я создаю гармонию в хаосе мира, творя свои законы Порядка. Но стихийные страсти могут разрушить мою Гармонию и Порядок, при этом, не разрушая моих законов. Стихии имеют законы, не мною установленные, и страсти мне не подчиняются – не обладаю разумом».

Природе надо верить и понимать ее. Вспоминаю себя в детстве – есть ощущение: природа была понятнее, чем поступки и действия людей – перед природой у меня не было вопросов, а перед людьми множество: зачем? Почему?

Сегодня мне исполнилось три года, и мама сказала загадочную фразу:

– Завтра мы пойдем в садик!

– Куда? – не понял я.

– Завтра узнаешь.

В моем воображении нарисовался этакий самостоятельный палисадник с невысоким забором и со всех четырех сторон – калитки. В палисаднике больше всего голубых и оранжевых цветочков... есть красные, белые и желтые вперемежку с зелеными листочками – радостное настроение...жду завтрашнего дня с нетерпением.

«Садиком» оказался большой дом за высоким забором, в который мама вошла, оставив меня сидеть на скамейке... Здесь было много интересного и непонятного: большой невысокий ящик с песком – фигня, норы для лягушек не пророешь... у пруда лягушки прыгают в вырытые норы, ко-

гда солнце начинает жарить, и в прохладе довольные квакают. Рядом со скамейкой была закопана лестница (Папа и мама дома не разрешали взбираться по лестнице). Я кинулся покорять ее... и осознал, что не умею перемещаться по перекладам.

Взялся за перекладину выше головы двумя ручонками... на нижнюю перекладину выше земли подпрыгнул обеими ногами – приехали – дальше нет движения... и задница висит ненужным грузом... думаю... отпускаю правую руку, чтобы ухватиться за более высокую перекладину... задницу понесло в сторону... бьюсь ухом о деревянную стойку... боль!... ноги соскальзывают и коленки чиркают по перекладине... дикая боль!... что бы не зареветь, что есть мочи кричу на лестницу: «Сука!» Но в моем сознании мелькнуло «Я дурак!» Слышу за спиной чей-то возглас:

– Ой!

И материнское:

– Как всегда, нельзя на минуту оставить одного...

– Ничего страшного... подмажем «зеленочкой»... накормим завтраком... и Коля вольётся в наш дружный коллектив, – сказала добрая тетя, которая была больше моей мамы.

– Я Валентина Петровна, буду твоим воспитателем.

– Мою маму тоже Вале́й зовут... зачем мне воспитатель?... у меня есть папа и мама. Пауза. Мама и «добрая тетя» переглянулись, и каждый о своем ухмыльнулся. Добрая тетя произнесла:

– Чтобы отвечать на твои вопросы...

– Хорошо, – сказал я утвердительно, – в душе надеясь на множество ответов. Мама рассмеялась, понимая мои надежды.

– Пойдем, Коленька, иначе пропустим завтрак.

«Зеленка» оказалась «жгучее» крапивы – слезы брызнули внезапно, но зареветь в полную силу не позволили руки Валентины Петровны, добрые и ласковые, как у моей мамы... стыдно плакать.

Помыв руки, ждал, что мне принесут поесть в маленькую комнатку. Но Валентина Петровна подвела меня к двери напротив, открыла ее: там оказалась большущая комната, в которой за маленькими столиками сидели девчонки и пацаны... аж испугался! То ли от количества детей, то ли от стука ложек, то ли внезапной тишины ... и устремленными на меня глазами.

– Дети, у нас пополнение. Мальчика зовут Коля, – представила меня «добрая тетя». А я весь дрожал. Мне хотелось плакать.

– Коля, садись за столик к Лене, Пете и Тане... сейчас принесут твою порцию, и ты покажешь, как едят настоящие мужчины.

Эти слова меня подбодрили. Принесли манную кашу, которую я не любил, но уплетал ее, будто был голоден... оказалось – есть можно.

– Он похож на Буратино, – неожиданно сказал Петя... не

знаю, что такое Буратино, но если все засмеялись, значит это обзывалка.

– А ты осёл.

– У тебя уши большие.

– А у тебя нос.

– Причем здесь нос?

После завтрака нас вывели во двор. Петя предложил поиграть в песочнице. Пришлось объяснить, что это не настоящий песок. Он строил из себя умника, а мне было противно, и я послал его на хутор бабочек ловить – одним трехбуквенным словом и объяснил, что не люблю играть, а люблю странствовать.

Пошел, не замечая, что обиженный Петя плачет, Валентина Петровна успокаивает его и что-то говорит мне вслед. По пути встречались незнакомые и непонятные вещи, но я теперь знал, кто мне о них расскажет.

Среди обычных девочек увидел очень красивую и понял, что мне очень приятно смотреть на нее. Жаль, что у меня родился брат, а не такая красивая сестренка. После обеда, оказывается, здесь спят – я и ночью не люблю спать. (Спитса само собой.) Пока Валентина Петровна укладывала других детей, я прошмыгнул во двор. Подойдя к забору, обнаружил, что одна штакетина оторвана, а вторая легко отодвигалась, и я запросто пролез в образовавшуюся дыру. Оказался в неизвестном мне месте: слева – колючий забор, справа – обрыв, впереди дорога. Куда она приведет?

Она привела меня к неизвестной улице. Улица начиналась от кручи, внизу глубоко – глубоко блестела вода, дальше – луг с коровами, и далеко-далеко виднелась гора. Даль и простор поразили. Я не мог оторвать взгляда, как от красивой девочки. Хотелось взлететь!

Ко мне подбежала маленькая собачонка, захотел погладить, но она, заскулив, убежала, нырнув под калитку. Пошел вслед за ней и увидел около дома палисадник, расцвеченный яркими цветами... радостно... и... чья – то рука опустилась на плечо.

– Миклухо-Маклай, с ума сведешь, – услышал я Валентину Петровну, запыхавшуюся от бега.

– Красивые цветы, – успел пролепетать я . И меня потащили, выкрикивая угрозы.

Я не сопротивлялся, мне хотелось знать, кто такая «миклуха-маклаха», и задал вопрос «доброй тете»... Она сняла тяжелую руку с моего плеча...

Это был первый и последний день моего пребывания в детском саду. Мама отправила на все лето к тетке в Гулькевичи.

В три года научился из букв складывать слова. Позже с этажерки сестры взял случайную книгу. Открыл так, как она открылась, увидел портрет, похожий на моего отца. Читаю: Н-и-к-о-л-а-й. Неужели ошибся? Читаю дальше: М-и-к-л-у-х-о-М-а-к-л-а-й. Опупеть! Значит, меня обзывали именем хорошего человека. Кто он? Позже выяснил, что

этот человек был знаменитым путешественником.

В шесть лет поросился в школу. Очень хотелось знать больше!

Прошли годы... Удалось не только что-то узнать о Миклухо-Маклае, но и прочитать его известные ми глазами. Не пришлось... Зато в своей стране я встретил много различных «папуасов», удивительно хороших и ... плохих.

С трепетом и восторгом открывал для себя русских путешественников, мореплавателей и землепроходцев, для которых познание далекого и неведомого было потребностью ума, жадной души и сердца. Познание неизведанного, стремление вдаль – черты характера русского человека, которые способствовали образованию великого пространства – России.

А что Буратино? Наш пацан, сующий нос во все щели, чтобы узнать, что там такое интересное и познавательное.

Об одном дне «Миклухи-Маклая» во взрослом возрасте мне рассказала мама... Валентина Петровна слёзно умоляла не оставлять меня в садике: «Он не признает никаких правил и границ, матерится, как сапожник, донимает меня вопросами, на которые не всегда даю ответ. А на некоторые отвечать стыдно». С того дня и в дальнейшем за мои «странствия» и поведение в детском саду мама напоминала о «Миклухо-Маклае» отцовским ремнем.

На крутом берегу извилистой Кубани расположился хутор Султановский, которому дали имя хозяина земли. В конце XIX века на территории Султана Гирея протянули железнодорожную ветку из Ростова во Владикавказ и построили станцию, назвав её «Гирей».

Предприимчивые люди построили поблизости винокуренный заводик и построили жильё для работников. Так родился наш посёлок Гирей. С дальнейшим развитием железнодорожного узла возник жилой район для их работников. Благодаря наличию на данной территории железной дороги были построены новые предприятия, осваивались богатейшие гравийно-песочные карьеры и сельскохозяйственные предприятия. Так рос и развивался посёлок.

Граф Воронцов-Дашков, будущий владелец сахарного завода, на самом высоком холме посёлка построил дворец в кавказском стиле, здание которого после революции отдали средней школе №2.

Что характерно, я прошёл путь формирования посёлка городского типа Гирей: начальную школу закончил в хуторе Султановском, восьмилетнюю – в посёлке при спиртзаводе, среднюю школу – в посёлке при сахзаводе.

Гирейцы считали, что весь Советский Союз знает о существовании нашего посёлка: их сыновья и дочери жили в раз-

ных уголках страны... Вживаясь в культуру нового места жительства, которая становилась для них родиной, они невидимыми нитям были связаны с Гирем.

Житейская занятость и суета могут вытравить из души способность удивляться.

Но если ты вдруг увидишь звёздное небо и почувствуешь свою принадлежность ко Вселенной... И захочется умчаться в горы, очароваться бесконечностью хаоса... или к морю – захлебнуться восторгом от борьбы с неутомимыми волнами... или в лес – покориться бесчисленным оттенкам зелёного и волноваться природной выразительностью, то твоя душа жива.

Жизнь теряет смысл, будь она ровной и гладкой... где бы это ни было: в Гирее, в Ярославле, в Чите или в Ленинграде.

Но только в Гирее летнее утреннее солнце веселит зелёный покров земли и радует душу гирейца... И осеннее ласковое солнце, покрывая позолотой деревья, хаты и дома, навеивает восторженную грусть.

В зимний кубанский день, когда выпадает долгожданный снег, который пытается сохранить себя, забившись в укромные местечки, ощущаешь в себе силу к сопротивлению.

В весеннюю ночь белоснежное цветение алычи, вишни, яблонь, освещенных светом из окон, наполняют душу восторгом.

Какие чувства ни рождались бы, неожиданные или в первый миг непонятные, они всегда из детства... из гирейского

детства.

Взгляд из будущего

В детстве слышал слова людей и верил, что за ними стоят дела... и добродушно взирал на всё происходящее вокруг меня – всё, что делается, так и должно быть, и нет смысла разбираться.

В своих поступках видел правильность и справедливость... Недовольство поступками относил к своему недопониманию ситуации. Вероятно, это были толчки, подсказывающие к необходимости анализа. Чем сильнее неприятие поступка, тем мощнее толчок.

В настоящее время слушаю слова, чтобы понять суть сказанного и услышать истину или понять заблуждение... и пытаюсь увидеть дела, стоящие за словами.

Анализ стал моим инструментом там, где нужна глубина понимания.

Сказанные слова могут потерять свободу движения, но дела освобождают их... Слова свободны, когда говоришь, как чувствуешь, а делаешь, как говоришь.

* * *

Иней радостью блестел на траве и листьях, наверно, солнце отражалось в его кристаллах и дарило восторг.

Двигался не по утоптанной дороге, а по траве, оставляя следы круговыми узорами.

«Наверное, ботинки будут намокать, – мама говорит. Они от влаги портятся, и тебе «не настачишься» обуви.»

Мне пришло голову: «А если... здесь шёл бы жираф?.. Он обязательно поскользнулся бы и упал на забор... и сломал бы шею. Поэтому они живут в Африке, там или сушь, или грязь, а иней для них загадка.»

В школе прозвенел звонок, до неё оставалось метров сто – бегом не успею...

– А-а, голубчик!.. Сегодня всего лишь на две минуты...

– Здравсьте, Василий Иванович!

– Здравствуй, голуба!.. Что сегодня?

– Иней...

– Да, морозец... что отморозил – ноги или нос? – в классе смех.

– ...и жираф...

– Да ты что? По Гирею жирафы бродят? – в классе смех, переходящий в гогот.

– Жираф в Африке, но если бы он передвигался по инею, то поскользнулся бы, упал бы и сломал бы шею, – в классе истерический смех.

– За жалость к животным даю только две минуты по стойке «смирно» у доски, – знает, что я и минуты не простою, тем более, когда Витёк Панин корчит смешные рожи...

Смеюсь... и уже «вольно».

– Пятнадцать секунд! Рекорд! Кто рассмешил, гадёныш?

– Стало смешно...

– Смешно дураку, что нос на боку, а смех без причины – признак дурачины.

– Вспомнил жирафа...

– Марш за доску! На весь урок. Панин, следуй за ним... за разговор стоять второй урок.

В действительности я вспомнил муху... она садилась на лысину Василия Ивановича – он её сгонял, она упорно возвращалась, и он снова её сгонял. Класс смеялся вповалку, а он наказал меня: «Только ты, цыганская морда, способен на такие штучки», – как будто я обладаю способностью управлять мухами... отделался стоянием за доской на целый урок.

В первом полугодии в первом классе мне пришлось провести за доской больше, чем за партой. «Чапай» приучал к дисциплине, но вот иногда всё же приходится стоять.

Нудно, аж мурашки в животе бегают. Хочется двигаться, нет терпения стоять и молчать, хочется в Витьком поделиться впечатлениями.

– Витёк, «Чапаю» трудно терпеть?

– Трудно! У него пробит мочевой пузырь.

– Откуда знаешь про пузырь? Я считал, что он есть только у свиней.

– Сестра рассказывала, учат этому в 9-м классе.

– Мы тоже будем учить внутренности? Бр-р. Думал, что у него недержание от ранения в ногу...

– Причём здесь нога... его ранило и в живот, и в голову...

– Наверно, немец из автомата стрелял или мина разорвалась... страшно, ревел бы, как паровоз, – боли боюсь.

– Он офицер, как мой папка, они боли не боятся...

– Может, Василия Ивановича ранило, когда он первым выскочил из окопа?

– Тихо, «Чапай» идёт, – предупредил нас вово Хвостов, староста и самый сильный и добрый пацан в классе.

Василий Иванович простучал костылём по коридору, в классе и плотно уселся на стул и, кажется, забыл о нас, стоящих за доской.

Хвостов доложил: «Происшествий в Ваше отсутствие не было».

Василий Иванович пригласил Бориса Олифиренко к доске для решения задачи... будет нескучно и смешно – Боря стеснительный, и боится говорить то, что знает, а вдруг не то. Поэтому приходится «выдавливать» знания наводящими вопросами, которыми мог мучить, издеваясь, Василий Иванович.

– Витёк, ты сказал, что «Чапай» – офицер? Но я видел его в воскресенье пьяным.

– Все калеченные пьют...

– Длинноносый паршивец, о чём шепчешь?

– Решаю Борину задачу...

– Придётся наказать ещё и за подсказку...

– решаю для себя...

– Но вслух... иди помоги товарищу...

– Повторите, пожалуйста, условие задачи...

Василий Иванович разрывается от смеха.

– Во втором классе, а врать не научился, «как сивый мерин». Ложь вредна...

– Он говорит понятное и известное, – думаю я, – но как никогда хочется решить задачу, – прошу и тебя, и Панина, и Боря получит хорошую оценку... Не решишь – накажу и тебя, и Панина, и Борю...

– Прочтите, пожалуйста, условие задачи, – и через пять минут Боря, Витёк и я сидели за партой.

Первый и, наверное, последний раз доказал Василию Ивановичу, что я не всегда вру. Не знаю оценки одноклассников, но Василий Иванович впервые поставил мне пятёрку и в журнал, и в дневник.

– Жирная пятёрка, Микола, с удовольствием под ней подписываюсь.

* * *

Детство... Мама... Если отец – пример и гордость, то мама – светило, которое согревает в нестерпимый холод и поднимает дух.

Даже мудрость она излагала на мажорных нотах: «Жизнь для того и дана, чтобы ею в полной мере наслаждаться. Наслаждение фрагментами – не извращение, но явная ограни-

ченность. Жизнь с улыбкой в любых обстоятельствах, не потому что преодолеваешь обстоятельства, а можешь не сетовать в любых ситуациях и научишься радоваться жизни».

Неоднократно замечал: мама, убирая со стола посуду после еды, первоначально сметала крошки хлеба и изящно с трепетным наслаждением отправляла себе в рот.

Меня смущала таинственность и ненужность такого ритуала. В свои двенадцать лет в очередной раз увидел собранные крошки, возмущился... высказал свои соображения по гигиене, упоминая о бактериях и микробах...

Мама ничего не сказала. С глубокой обидой махнула рукой... а глаза увлажнились. Наверное, в тот момент не смог бы я понять суть маминого ритуала, но осознал, что сильно её обидел... Стало стыдно за мой «заумный» язык и неуместный подгляд.

Года через три, во время одного из дальних моих путешествий, попал в ситуацию, при которой более суток не было во рту маковой росинки... мечтал обо всём, даже хлебных крошках. Вернувшись, рассказал об этом маме...

– Коля, у меня таких суток было много в жизни, в войну и после – если выстроить их друг за другом, получится не один год. Бывало, накормишь девчонок, папу с мамой... они даже не заметят, что я не съела свою пайку хлеба и отдала тому, кому нужней или поделила дочуркам... Сама смахну крошки – они вкусные и радость приносящие – у всех лица довольные, хоть как-то насытились. И до сих пор: съешь ло-

мочь хлеба – так себе, а крошки – вкуснее не бывает.

Наверное, счастье не в нашем сознании, не в нашем понимании, оно глубоко в душе, поэтому не всякий может вытащить его оттуда. Часто серьёзное отношение к жизни ещё глубже закапывает его в себя...

Четвёртое лето моей жизни. Мама лепит вареники, а я с интересом смотрю на её творчество, зарождаются любопытные вопросы. Настроение мамы квёлое – получила письмо от старшей сестры из далёкой Грузии, поэтому отмахивается от моих вопросов:

– Иди ты к едрене фене...

И я пошёл... к соседке тёте Фене... Сказанная фраза не запомнилась, поэтому задумался: «Зачем иду к тёте Фене?» Пытаюсь вспомнить звуки всех сказанных слов... из всего кошачьего хора звучит «кофейник» – понятное и знакомое... Тёте Фене так и сказал:

– Мама послала меня за кофейником.

Соседка удивилась, но возражать не стала.

Получив требуемое, с чувством выполненного поручения вприпрыжку поскакал к своему дому... Ничуть не удивляясь, что кофейник очень похож на два наших, и не замечая, что тётя Феня идёт за мной, я поставил его на стол.

Когда поставил посудину на стол, увидел удивлённые глаза мамы:

– Это зачем?

– Мам, я был у тёти Фени, как ты сказала...

– Вот и я, Владимировна, думала, зачем тебе кофейник?

Опять что-то сделал не так... они смеются до слёз, а мне непонятно почему?

* * *

Ванька Косяк мечтал поймать шпиона.

– Поймаю, и мне дадут премию. Вылечу папку и мамку от пьянства. Закончу семь классов и поступлю в ПТУ на строителя – они хорошие деньги получают, а я буду строить коммунизм, чтоб без денег всё было.

Поймать шпиона... и мне захотелось помочь Ваньке.

План был прост: проверить заводы, узнать, могут ли туда попасть шпионы.

Первым был дальний сахарный завод. На проходной пузатый мужик грыз яблоки, белый налив. Поздоровавшись, прошёл так, чтобы меня не заметили.

Завод не шумел, и людей не видно. Вернулся к проходной. Пузатый мужик не жевал яблоки, а вышагивал туда-сюда через дорогу, сложив руки за спину.

– Чё, пацан, нашёл сахар?

– Шпионы здесь пробегают?

Мужик смеялся в полный голос, тряся животом.

– Чё тут шпионам делать? Тут для воров есть где погулять...

Спиртзавод был плотно «закупорен»: по забору – колю-

чая проволока, на проходной – мужики с крепкими плечами, ворота закрыты.

Нигде не проскочишь.

– Пацан, что тебе надо?.. Вынюхиваешь, шпион?

– Нет, хочу поймать шпиона...

– Ну, это просто... наши выходят трезвые, а спирт выносят в грелках. Шпионы не знают, что такое грелка, поэтому заполняют себя. Но до проходной не успевают добежать, падают и ползут на карачках... Вот тут его и лови.

– И много поймали?

– Десятка полтора!

И я рассказал Ваньке, где ловить шпионов... он пришёл в восторг: глаза заблестели, и он наполнялся добрыми мечтами.

События этого лета насыщены до головокружения...

Поездка в пионерлагерь «Зелёный гай» на Чёрном море... и первая сознательная влюблённость с задержкой поезда – нас в слезах, из объятий не сразу смогли растащить моя мама и пионервожатая.

Поездка в Ростов к доброй бабушке Лене и спокойному Дону, встреча с которыми всегда радость.

Ужасная и бессмысленная гибель Женьки Руднева под колёсами воинского состава... Женька был надёжный друг...

Подготовка в 6-й класс, заманчивая и тревожная.

Ванька каким-то образом исчез из памяти и из видимости, будто его не существовало... Трагедия Вани Косякова

легла рубцом в моей душе... Он не был мне другом, но был привязан ко мне: «Колян, мне уютно с тобой, ты не отталкиваешь меня, зная, что я из семьи пьяниц и воров».

Несколько слов из будущего...

О судьбе Косяка узнал, вернувшись из армии... В свои одиннадцать лет он загремел в колонию на перевоспитание... и совершил преступление, подобное старшему брату – тюрьма стала его постоянным местом жительства.

Помню: Первомай, у клуба музыка, весёлые лица, мороженое в вафельных стаканчиках... купили, выстояв очередь.

– Когда начну работать и получать деньги, мороженое буду есть каждую неделю... по воскресеньям в кропоткинском парке.

Вкуса жизни из детства другими вкусами его не перебить.

* * *

Взгляд из будущего

Когда мне бывает очень трудно... даже очень-очень трудно, всегда память вскрывает далёкий диалог с мамой.

– Коля! Приехал! – она выглядела маленькой и беззащитной... или я за годы разлуки вырос?

– Мама!

– Пришла на станцию тебя встречать...

– Ты не могла знать, каким поездом приеду... ни строчки в письме...

– Сердце знает. Здравствуй, Коленька! Форма тебе к лицу...

Мы обнялись, она прильнула поседевшей головой к груди, словно ждала этого все два с половиной года... А мне вспомнилось: маленьким ребёнком в поисках защиты от всевозможных неприятностей втыкался носом в её живот и чувствовал, какая она большая и сильная...

– А помнишь, сынок?..

– Помню, мама, – и мы смеялись тем непринуждённым смехом, будто мы не отрывались друг от друга всю нашу жизнь.

Он рванул замызганную стёганку, и на чистой и выглаженной гимнастёрке зазвенели и заблестели ордена и медали.

– Ишь, грудь раскрасил под павлиний хвост, а башка опилками набита.

– Цыц, Зойка... глхнуть... научились языком изворачиваться да мужей предавать...

– Дурак вислоухий... Нюрку-то не позорь, пьяная морда. Кого-кого, а Нюрку не пачкай грязными словами – терпеливей бабы не было в Гирее.

– Защищала бы бабка-монашка, а не первая курва...

– Поэтому и защищаю чистоту других – себя не очистишь...

– Э-э-э, как вас понять?

– Не надо понимать, верить надо... Ух, как хочется мужика, но чужого не трону... Выпьем, Андрюха, по чарке и топай к Нюрке под одеяло. Нюрка не умеет врать, и чистая она, под её словами кровью распишусь... а сейчас топай и следов не оставляй.

Вернувшись после войны в Гирей, он в ту же секунду получил кличку Однорукий Андрей – одноруких было много, и в Андрях не было недостатка, а вот Однорукий Андрей был единственный.

Через пару лет после всех сражений пуля пробила ему че-

люсть, и кликуху он получил – Криворотый.

На городском базаре ему не понравился один фронтовик, подвиги которого показались Андрею несколько преувеличенными. Вокруг толпа слушателей, и все верят ему. Андрей возразил хвостуну. Разгорелся спор. Спор не выявил превосходства одного над другим... пришлось прибегнуть к обещаниям.

Андрей поклялся сделать собеседника похожим на себя – нелетающему лётчик две руки – роскошь.

«Лётчик» обязался испортить Андрею полость рта, чтобы он не мучился чисткой зубов.

У этих людей дела не расходились со словами. Сошлись как на дуэли в безлюдном месте, и толпа с восторгом следила за поединком... Щёлкнули предохранители, пара выстрелов... и взятые обязательства были выполнены.

Криворотый не усёк, куда его разлюбезная Анюта затырила самогон. Прополол руками весь сад, как дождём смыло.

Пришлось прибегнуть к услугам соседа. О чём-то пошептались. И через пару-тройку минут сосед, как бы невзначай, встречается с Анной. Та, видя мрачное настроение соседа, проявила любопытство. Сосед машет рукой, ещё мучительнее корчит физиономию, мол, тяжело говорить, но говорю:

– Да, вот вчерась спрятал в огороде бутыль с самогоном... зятя должны приехать завтра... найдут, вылакают и никакой работы... Прихожу нынче, опосля утренней изморози, а она треснула от холода, только землю похмелила.

– Го-осподи! – Нюра рванулась в сад, где Андрей занял наблюдательный пункт в туалете, щели которого позволяли круговой обзор. Цель обнаружена, что означает – несколько дней будут наполнены особым содержанием.

Книги и кино показывали нам войну. Криворотый, множество инвалидов и бетонные глыбы дота подтверждали, что она была.

Дот стоял у подножья холма. Справа в холм врезалась железная дорога. Слева взбиралась вверх шоссе́йная дорога... Пасть дота должна была орудием большого калибра пригладить к земле всякого неприятеля.

Прокатившаяся по Кубани фашистская лавина ненадолго задержалась у дота... пока не кончились боеприпасы. Стены и перекрытия выдержали, но люди оказались беззащитны – из дота виден памятник на братской могиле.

Прячась от внезапно налетевшей грозы, наткнулся в доте на дядьку Андрея. Он, скорчившись, притулился к стенке и плакал. Из его рассказов помню: он плакал во взрослой жизни, когда прощался с женой, медовый месяц продлился всего неделю, когда получил известие о рождении дочери, когда перед штурмом Праги получили известие о капитуляции Германии. Слезы не спутаешь с каплями дождя.

Тронул его за плечо. Он отнял руку от лица и узнал меня. В трезвом виде, что бывало очень редко, он не замечал нас, пацанов, и не имел с нами никаких дел. Когда он опьянён до «двухсот граммов» – мы становились лучшими друзьями, и

он часами мог рассказывать про войну...

– Перерезать горло – плёвое дело. В одно мгновение набрасываешься коршуном, закрываешь рукой рот, поднимаешь голову к звёздам, и острый нож сам входит между хрящей. В этом деле есть одна гадость: у некоторых фрицев, вероятно, успевают испугаться, резко подкашиваются колени, увлекая за собой тело, а голова в руках и горло открывается, фонтанируя воздух и кровь... брызгая в лицо, залепляя глаза... Оттираться – терять драгоценные секунды, приходится бежать по еле уловимому топоту разведчиков... а коридор – то узкий, полшага в сторону – напорешься на мину. Хрен со мной, но операция может провалиться...

– Дерёшь когти без оглядки. Повернёшься посмотреть на фейерверк – застынешь очарованный, а каждая секунда бега увеличивает шанс на жизнь. Уже слышна свора немецких овчарок и топот солдат. Нужен рывок – ещё полста метров до речки. А за ней легче будет... Взрывы и вспышки света, озаоряющие облака, наполняли восторгом, подгоняли нас к речке, а там ждёт машина – до самого фронта... и уже за своим бруствером ещё целый час можно было любоваться салютом.

– Часовой оказался чересчур нервным, долго и шумно брыкался. Зато компания в хате была спокойной. Вероятно, крымские вина погрузили их в невозмутимый сон. Мы вошли, только один офицерик был способен распорядиться собой – он бесстрашно, но деликатно предложил мне стакан с вином... лицо невинного мальчика. Хотелось забрать его

с собой... но здесь были птицы покрупней – полковник с тупорылым лицом. Собрав все документы и оружие, мы погрузили тела, пьяные и сонные, в погреб... вместе с мальчиком. Ребята увезли полковника с трофеями, а мне досталась задача прикрытия. Через пять минут заурчала наша машина, а здесь сохранялась тишина... Еще минута ожидания, за это время обратил внимание, что фрицы научились пользоваться нашими гранеными стаканами... Тишина сохранялась, когда вошёл в лесополосу и когда, пройдя с километр, повернул за гору, а потом загудело, засверкало... Жаль мальчишку... добираться до наших одному скучновато.

– Война – грязь, от которой очиститься невозможно, если она осела в душе, покрыла плотным слоем сердце, нет защиты для всего организма... Очищение возможно только перед Богом, но нас отучили верить в него.

В сильном опьянении дядя Андрей не видел и не замечал никого в этом мире. Сейчас он был слегка пьян, на лице отразились отрешённость и безысходное одиночество. Когда он увидел меня, его лицо разгладилось и потеплело.

Ему хотелось сказать что-то важное, что обязательно должно отразиться на моей судьбе.

– Колян, сынок, жизнь не женщина, её не соблазнишь лаской и словами. Для неё надо отдать всё, но и тогда она разборчива, – поучал, находясь в неудобном положении. Вероятно, отогревался, меняя холодный опыт на теплое сочувствие.

– Думалось: соскребу с души грязь – перескажу виденное и пережитое. Слушали... а потом надоел – принимали за нытье и хвастовство. Оставаться наедине с грязью – задыхаться в кошмаре... спасала водка. Иногда казалось, что с отнятой рукой отняли душу, а телесные раны – это разрывы моей чувственности... есть радостное ощущение жизни, и вдруг падение в пропасть – нежелание жить. Война заставила всмотреться в ужасное нутро смерти, выработала безразличие к умирающему телу врага. А преодолевать безразличие к жизни, как ни странно, помогало оружие, умение владеть им и ненависть к фашистским выродкам. Поняв это, понял и другое... Жена Аня – сильная женщина. Она перенесла больше, чем я на фронте – к нечеловеческому напряжению и смерти можно привыкнуть. На «большой земле» силы отбирают горе и страдания... и неумение ждать... Коля, когда научишься ждать, преодолеешь всё на свете... Я этому не научился и не принёс Ане счастья...

Пару лет Андрей жил в одиночестве – решил не мучить жену и детей. Его стали видеть реже шляющимся по улицам Гирея. Говорили: прикупал на всю пенсию самогона и харчей и не вылезал из своей конуры до уничтожения всего запаса.

Однажды по пьянке произошло возгорание: сгорела хатёнка, обгорели ноги до костей, но жизнь не остановилась. После госпиталя его без ног на коляске-платформе определили в Дом инвалидов. Существующей обстановки он выдержал чуть более месяца – там не было возможности вы-

пить, и, самое страшное, стали лечить от этого желания. И он сбежал... без коляски...

Через семь дней первой его увидела соседка – он заполз к ней во двор через огород. И, зная её стоворчивость, попросил стакан самогона и сходить за Нюрой. Соседка ушла, Андрей с жадностью выцедил первачок и... больше никто не видел его живым.

Взгляд из будущего

Славное и горькое слово «Война»! Не видел её, но она жила во мне с осознанного детства своими последствиями: изуродованной землёй и людьми, славными и трагическими воспоминаниями, рассказами очевидцев о мужестве и героизме, подлости и предательстве.

Война своей реальностью задела меня напряжённостью труда в 67-м году, когда Израиль пытался «оторвать» часть Египта, а мы, солдаты Советской Армии, и днём и ночью, отправляли Насеру оружие возмездия.

Война коснулась, задев сердце и душу в 68-м на земле Чехословакии, где каждый куст и травинка кричали о вреде ввода наших войск в таком огромном количестве...

Война! Не ощутил напрямую и «Афган», и межнациональные конфликты, и чеченскую компанию, но понял необходимость случившегося и не всегда стратегически продуманную политику руководства страны.

Война! В ней о гуманизме много лжи, правда только одна – есть враг человечества... Священных войн тоже не бывает, ибо в любом убийстве нет святости.

Мой жизненный опыт и анализ калейдоскопа политиков, мелькнувших перед моими глазами, позволяют сделать удивительный вывод: для политиков, жаждущих власти любой ценой, есть только одно безопасное место – тюрьма.

Мы ищем справедливость... Даже в войне. Но её НЕТ – это выдумка свободолюбцев и властолюбцев, живущих по принципу: «Разделяй и властвуй». Поэтому в любые времена верны слова замечательного человека: «Люди, будьте бдительны!»

В беседке под белой акацией у Михалыча

Тётя Мотя держит пачку сталинских облигаций и размышляет: «Красивые бумажки... но что-то ж можно из них сделать? Пойду к Михалычу, поспрашаю... и давно не общались».

Михалыч с Лёхой раскрывали очередную философскую тему, а точнее, Лёха пытался заинтересовать и раскрутить Михалыча граммов на сто сливовицы из алычи.

– У нас изобрели водородную бомбу, – ворковал Лёха, – всё в пыль и пепел... и люди, и железобетонные сооружения – не остановит такое оружие людей от гадостей жизни. Надо изобрести такую бомбу, чтобы уничтожить врагов, но ничего при этом не разрушить – врагов нет, а всё вражеское – твоё.

– Дурак ты, Лёха, тебе главное хапнуть... Нужна такая бомба, чтоб уничтожило всё, что создано руками человека... а голые люди в пустыне, но с мозгами нашего времени... и, может быть, поймут – нельзя людям враждовать... что на хитрую задницу всегда вырастит хрен с винтом... Во! Мотря идёт! Что-то интересное нам поведает.

– А, самогончику принести не догадалась...

– Ты подумай, если у тебя есть думалка, а не языкотрепный аппарат... Чёй-то я тебе за так самогон разносить буду?

– Лёха, как все гирейцы, любит преувеличить свои возможности и уравнивать их со своими желаниями – он ещё ничего не заработал... ничего умного не сказал.

– У Лёхи самое умное «дай»... но я к тебе, Михалыч, с вопросом... Чё делать с «замороженными» облигациями?

– Проще простого – разморозить, то есть сжечь...

– Михалыч, а серьёзно...

– Другой вариант: заклей все щели в туалете – дуть не будет и в жару прохладно...

– Чё-то не так...

– Всё так, Мотя, Хрущёв всё сталинское изводит...

– Видно, Никита, та ещё подлюка змеиная, хочет народ смыть в клозет...

– Думаю так... Никита скоро надорвётся, – воодушевился Лёха.

– В каком смысле?

– В том-то и дело, что нет никакого смысла в том, что он творит... от подъёма целины – заработает грыжу... от кукурузы – гастрит... от бега за Америкой – хруст в костях и одышку... оправдываться будет словесным поносом.

– Лёха, бьёшься головой об стенку? Извилины потребовались? Не надо анекдоты выдавать за свои мысли.

– Я свободен даже тогда, когда меня пошлют на хрен... но я туда не пойду – найду другое место.

– Понятно, Лёха! Не любишь семачки жарить...

– Не люблю, обжечься можно...

– Не-а, Лёху в коммунизм не возьмём, – дополнила тётя Мотя, – он спереди вроде порядочный, даже скромный, но сзади посмотришь – удивляешься, сколько в нём дерьма!

– «Коммунизм на горизонте»... Движение к горизонту не уменьшает расстояние – он всё время удаляется, как любая выдуманная идея или цель.

– Когда Лёха трезвый, он скулит о мерзостях режима, не понимает, что самостоятельному человеку не страшен никакой режим, а противны те, кто скулит против режима.

– Режим выращивает особый сорт чиновников, которые лишают людей свободы... свобода нужна всем!

– Что чиновник? Пролез по служебной лестнице, умостили свою задницу... и работает на себя. Чем больше свободы у чиновника, тем он наглее... и никакой деятельности. Требование для них: никакой свободы, меньше прав, но больше ответственности.

– Не-ет! Михалыч, сталинские времена прошли... на дворе «оттепель»... в Гирее расцвело воровство...

– Гирейцы не воруют – они берут своё в своём государстве, а сажают тех, кто берёт лишнее или бесцеремонно расхищает социалистическую собственность. Короче, от свободы с ума сошли – вникуда ушли.

– Свобода...

– Молчи, сучий потрох... свободы нет, не было и не будет – она в дурных головах...

Напряжённость решила снять тётя Мотя, видно было, что

Лёха стал поджимать уши и шевелить копчиком:

– Это ж надо, на какую высоту суку подняли... Смотришь, так и человека в космос запустят.

– Это не при нашей жизни, Мотя...

– Поют же: «...и на Марсе будут яблони цвести...»

– С высоких трибун говорят: «...коммунизм на горизонте...» – горизонт вижу, коммунизма там нет.

– За горой спрятался, – уточняет Лёха.

– Или вот загадка, Михалыч, сын младший учит уроки... задумался... прашиваю: «Чё учишь?»... Охренела, услышав ответ: «Квадратный трёхчлен» – квадратный Змей Горыныч?.. Таких не встречала...

– Главное, Мотя, в ночь не представляй, а молодёжь разберётся...

– А старший... ещё в школе учился, сидит смеётся, спрашиваю: «Что читаешь? Гоголя или Чехова?» А он: «Географию... есть государство Непал, а там живут непальцы и «непалки». И заливается смехом... причём здесь пальцы и палки?

– Тут, Мотя, просто – когда «палка» не работает... Поняла?.. Продолжать не буду.

– Вот именно, Михалыч, когда нет Бога в душе – в голове сплошной разврат...

– И опять всплывают коммунисты...

– В правильном направлении движение, Алексей, считай, что приз в твоих руках.

– Да, Сталин дал отмашку церкви, а этот... разрушает... в общем, тоже из географии: есть Камбоджа со столицей Пномпень, и есть Хрущёв пень пнём.

– Смешно, но на приз не тянет... Может, Мотя выручит?

– Тётъ Моть... бутылочку?

– И опять в долг?... Ну, пойдём, потрясу по сусекам...

Михалыч смотрел им в след и удивлся увиденному и пришедшей на ум мысли: одна пчёлка – трудяга, второй – стрекоза... точнее, стрекозёл... К этому разнообразию людей привыкаешь, и делается скучно. Почему?

Люди, не имеющие развития, становятся настолько понятными и привычными, что их не замечаешь.

* * *

Как утверждает Лёха Маслов, «все люди разные: у кого-то прыщ на заднице, у других кадык на горле». Но это не относится к женщинам. По Лёхиному определению, «они все одинаковые».

– Женщины – игрушки для развития мужского ума. Отсутствие ума превращает мужика в игрушку у женщины, как Саню Козюлю. Бабы – пустое место, плод воображения мужиков при «спермотоксикозе», когда безгрудая, с кривыми ногами видится королевой. Баба – это гадюка на теле мужика.

Был бы Лёха серьёзным человеком, а не отрывочкой приро-

ды, можно было бы ответить по-мужски, а так посмехуались и разошлись... Ему не докажешь – для него своя сопля солонее, чем у других.

Дурак – понятие расплывчатое. Он обладает множеством способностей или, по-другому, многогранен. Дурак всегда раб своих желаний, но никогда не будет рабом чужих желаний. Он согласится с чужой удобной для него мыслью, но не подчинится ей. Над дураком бессмысленно смеяться – станешь придурком.

А вот над идиотизмом необходимо смеяться, тогда он не прилипнет и не одолеет.

Взлетают, чтобы парить высоко в небе или чтобы упасть. Но Лёха никогда не будет парить и никогда не упадёт – он не способен взлететь.

Рассказывают. Когда Лёха был немножечко женат, сидел он на завалинке, читал «Правду». Подошла жена.

– Лёш, надо дойти до магазина, после вчерашнего дождя вся моя обувь сушится.

– Возьми мои галоши...

«Вот сучонок!» – молча злится жена.

– Кстати, где вчера тебя черти вечером носили?

– Ты тоже заметила чертей?

«Пора не замечать... надо заканчивать с этакой жизнью, похожей на сон», – думает жена, напяливает в последний раз мужнины галоши и топает до магазина.

Слабый «тиран» – он домашний тиран.

Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина

– Навстречу телепается Лёха, обиженный, синяк под глазом, спрашиваю: «От кого обломилось?» – «От Зинки... говорили, что весь Гирей переспал с ней...» – «И ты видел очередь?» – «Нет... но получил ответы на поставленный вопрос». – «Вывод? Значит не весь Гирей, а только определённая Зинкой часть».

– Лёха – тот ещё философ, не понимающий истинной вечности и мгновения... и с трудом понимает, что такое работа. Вечность для него – это часы трудового дня, мгновения – дни отпуска.

– Ваня Рубцов и Витя Суслов в железнодорожном «красном уголке» смотрели телевизор: с экрана выступал круглолицый с бородавками. Гирейцы смеялись, разбрызгивая слёзы. Вдруг им заламывают руки и выводят из помещения:

– «Чё смеётесь над товарищем Хрущёвым?»

– «Вань, я же говорил, что это не Райкин». – «Во, Витёк, лажанулись... жаль, не досмотрели до конца... Хряк среди свиней – умора».

Приходит к Ване Голикову страховщик:

- «Товарищ Голиков, давайте я вас застрахую».
- «А не пошёл бы ты сам без страха к нему...»

Воспоминание прошлого

Всматриваясь в себя в пятилетнем возрасте, видишь комок страхов. Один из них – страх темноты, который помню, как появился. В девятимесячном возрасте, как сейчас помню, активно и шустро ползал и всегда натыкался на невидимые мной преграды, набивая шишки. Поэтому убрали все предметы на моём пути (может быть, зря, возможно, в том возрасте смог бы увидеть действительность, какая она есть, а не обманывать себя абсолютной свободой).

В тот памятный день одна из сестёр, следившая за моими передвижениями, собрала невостребованные стулья и поставила их в соседнюю комнату, прикрыв дверь.

Меня увлекла полоска света за дверью. Толкнул дверь – она легко поддалась, и полоска света увеличилась. Когда она закончилась, раздался грохот, стало темно и страшно.

«Кричал, как резаный», – рассказывала мама... Каким образом мне удалось приоткрыть дверь и заползти в неосвещенную комнату, никто не видел. Мой крик, падающие стулья, и вновь закрытая дверь, предупреждали: возможно, мой крик из-под вороха стульев (позже мама допытывалась, которая из «трёх» додумалась штабелировать стулья – призналась, как всегда, старшая, получив очередную взбучку).

После охов и ахов и отсутствие ответа вопрос «что делать?», мама решила вопрос о том, как делать... Вручила

фонарь самой младшей, послаив с улицы осветить в окно, оценить обстановку: стулья упали рядом, и дверь можно было приоткрыть, не поранив меня, освободив из темноты и от страха.

Страх темноты «застрял» во мне вместе с пронзительным криком... а маме теперь было легко «загонять» меня с улицы до наступления темноты. Проснуться ночью и находиться в страхе до утра, когда каждый звук вырисовывался в ужасную картинку, было нестерпимо.

Героическое преодоление этого чувства продолжалось до двенадцати лет... испытал влюблённость... и этот страх пропал сам собой, но ещё с десятков лет неожиданно наступившая темнота вызывала дрожь.

Взгляд из будущего

В школьные годы интуитивно протестовал против любого воспитания... Не вникал в суть его, но мне хотелось быть самостоятельным, и это желание жило во мне с тех пор, как себя помню.

И когда в три года бродил по улицам Гирея, попадал в неизвестные мне закоулки... выбирался самостоятельно из них, возвращаясь домой... Поэтому, находясь в незнакомом городе, редко задаю вопрос: Как пройти...»

И когда в пять лет без чьего-либо присмотра переплыл Кубань... испуг пробрал на том берегу – люди на пляже виднелись далеко и, казалось, не заметили моего поступка. Но само желание преодолеть страх и самостоятельно вернуться на свой берег, сохранив силы, можно сравнить с подвигом.

И когда в шесть лет Василий Иванович дал задание написать строчку параллельных чёрточек и показал на доске, как это должно выглядеть. Я выполнил задание по-своему.

Проверку начал с меня...

– Балбес, я сказал: чёрточки, а не зигзаги, дуги и прочую белиберду... Домашнее задание: написать тебе пять строчек, всем – по три, а тебе, Бестолочь, пять. Если из пяти наберётся три кривых – будешь стоять в углу и думать. Может, стоит тебе прийти в школу на следующий год как положено?

Надуваюсь, напрягаюсь, исписал целый тетрадный лист,

избавился от «зигзагов и дуг», но строчка не получается ровной... Долго смотрел на неё... внезапно пришло озарение: параллельность это не только не пересечение чёрточек, но и равное удаление их друг от друга по всей длине... Четвёртая строчка получилась ровной, кривизна даже на одну строчку не набиралась...

– Что тебе, мерзавец, сказать?.. Ты настоящий боец... и в угол не поставишь, и в первом классе не оставишь.

Я шёл на вокзал поглазеть на киоск «Союзпечать» и что-нибудь купить, но увидел медленно идущий товарняк. Внезапно возникло желание прокатиться до вокзала, чтобы не топтать пешком. Поезд, разогнавшись, без остановки докатил меня до Армавира. Я испытывал страх от неизвестного и одновременно захватывающее веселье.

Редко, но выпал мой счастливый случай: на путях армавирского вокзала пыхтел парами паровоз пригородного поезда «Армавир-Тихорецкая» с остановкой в Гирее. Только на гирейском перроне облегчённо вздохнул, почувствовав, будто это всё мне приснилось.

Я шёл на Кубань купаться, но дорогу перегородил медленно идущий состав. Появившийся тамбур вызвал желание перескочить преграду в движении, но его удобства звали доехать туда, куда довезут. Спонтанное решение всегда принимается самостоятельно, но об ошибках такого решения мы узнаём позже.

Впоследствии пришло понимание, что желание идти про-

тив всего – это противостояние не только методам воспитания, но и его идеологической направленности.

Знания сами по себе воспитывают, но тонкую грань в воспитании знаниями привносит Учитель... что я чувствовал на протяжении всей моей жизни.

Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина

Спрашиваю у Лёхи: «Что ты делаешь в праздничные дни?» Он отвечает: «Самогогон глушу». «Примитивно праздники превращать в будни». – «Шурик, ты не прав... Для меня питье самогона всегда праздник!» – «Тогда, Лёха, ты герой!» – «Шура, без понтов, ни один фотограф не сможет снять миг, когда я отвернусь от налитого стакана – такого мига не будет».

– Почему Светка «убежала из-под венца» от Лёхи? «Умный» Лёха... олух, похвастался, что как мужчина должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына. Светка представила, что всю жизнь придётся ухаживать за каким-то вонючим деревом, убираться в тяп-ляпошной хате и кормить двух баранов... Ох-охох! Лучше съездить в Сочи, где можно «стричь» баранов, получая удовольствие. А Лёха потерял всякое желание быть мужчиной... «Жить, созерцая!» – стало его девизом.

* * *

Весна 54-го ранняя, в отличие от прошлой – снежной и

затяжной. Год без Сталина, а всё как прежде. Взрослые, кто не пристроен к постоянной работе, вербуются на Дальний Восток – на рыбные промыслы за «длинным рублём».

Парни и девчонки после окончания школы мечтают о городах – подальше от колхозных полей и личных огородов.

Есть новое – комсомольский призыв! На целину! Хотя за Гиреем немеряно непаханого чернозёма, но тракторов не хватает.

К удовольствию родителей, учителей и участковых милиционеров пацаны перестали «тарзанить». Но стали «гурзить»... после выхода на экраны фильмов «Смелые люди» и «Застава в горах» исполнитель главной роли Сергей Гурзо стал кумиром для отважной пацанвы... и как быть без «Орлика» – лучшего жеребца страны? Теперь негодовали работники тех колхозов и совхозов, имеющих конюшни, – к утру многие лошади были загнаны и непригодны к работе.

«Чёртов бугор» приобрёл более шумную ноту... В Гирей протянули электричество. Скрипучий патефон заменили кричащими проигрывателями. Бабка Черненчиха, прослушав несколько благозвучных мелодий, прекратила борьбу с обитателями «чертовки».

И что не так, как в прошлом году? Смотрю и вижу намного больше. И теперь никто не скажет: «Молчи, малой, рано иметь своё слово, за пять лет ещё не все слова выучил».

Мог часами у тёти Лены рассматривать китайские картинки. Красочные, сочные с удивительно точными линиями.

Линии нерукотворные. Такие краски и линии может подарить только солнце... и чувствуешь, счастье, когда восходит солнце.

Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина

– Макс Павлович имеет мнение, что в душе гирейца, как в балалайке, три струны: патриотизм, алкоголизм и пофигизм, но как мне видится, это всё о Лёхе, как думаешь, это тебе?

– «Всё, больше не стригусь у жидовской морды... мамка обкарнает – красавцем буду». – Обиделся? Правду сказал Павлович, мне нечего обижаться – это не про меня.

Витя Гуров мчится на велике в Гулькевичи. Жмёт с усилием на педали – поднимается в горку на виадук через железнодорожные пути. На середине виадука, опершись на перила, стоял Лёха Маслов и пристально смотрел вниз. Витёк останавливается и задаёт вопрос:

– Чё, Лёха, шпалы считаешь? – Лёха бровью не повёл.

– Чё, ждёшь, когда товарняк помчится, вагоны считать будешь? – молчание.

– А-а, плюёшь вниз и считаешь, за сколько секунд долетит? – глухое молчание.

Витя машет рукой и продолжает путь дальше, со свистом спускаясь с горки... и на прямой слышит жалобный зов Лёхи... Круто разворачивается, жмёт на педали и взлетает вверх. Лёха спокойно спрашивает:

– Витёк, катишь в Гулькевичи?

– Да! – выдавливают запыхавшийся Витя.

– На обратном пути подхватишь?

– Минимум через три часа...

– Тю... через три часа... своим ходом через час дойду, а через три... самогон пить буду.

– Бля, столько времени потерял... Ну, ты, Лёха, и козёл...

– Только козлы теряют время, а моё со мной.

* * *

Лето. Мне три года. С любопытством и восторгом наблюдаю разгрузку машины. Из-под лопат рабочих сыпались разные по форме, величине и цвету камешки, создавая удивительное звучание (через год увижу море и обалдею от бесконечного изобилия камушек, а рокот волны и грохотание камней будут притягивать и звать к себе ежегодно).

Я прикипел к этим камешкам, и хотелось о них знать всё, благо, папа был рядом – он руководил разгрузкой и «следил» за мной.

Папа с улыбкой и смехом отвечал на все мои вопросы и даже на тот, как они получаются.

– Они растут...

– Как картошка? – мне приходилось видеть посадку: по две картошки (в три года научился считать до трёх) и под кустом вырастает много-много.

– Как картошка, – смеялся радостно папа.

В свои планы папу не посвятил. Нашёл укромное место, выкопал лунку и «посадил» три белых камешка. Через много времени – папа трижды брал меня купаться на речку, это случалось только по выходным, – я откопал свои камешки и... О! Чудо! Их «выросло» много и разных... и чем глубже копал лунку, тем больше находил камешков.

Переполненный восторгом и радостью прибежал к папе. Он тоже радовался и хвалил меня (отчего родилось первое лёгкое сомнение), мы смеялись, рассыпая «выращенные» мною камешки... Мама бурчала: «Нанесли мусору», – но с лица не сходила улыбка.

Вдруг мне вспомнилось, что от посаженной белой картошки вырастают белая, от розовых – розовые... Мой восторг пропал: не было белых камешков, кроме трёх, были голубые, серые, красные – я увидел неправду и разревелся. Папа что-то говорил непонятное для меня, но я чувствовал неправду, кричал; «Нет!» и ревел, проливая лужи слёз.

Прошло время. Папа, сестра и я возвращались с огорода, где он и сестра копали картошку, а меня, как всегда, привязали на поводок... чтоб не залез, куда не нужно, или не докучал многочисленными вопросами.

Вечерело...

– Куда прячется солнце?

Папа живо отреагировал, остановился и поднял меня на руки.

– Видишь?.. Оно садится в трубу, – так и было... солнце наполовину вошло в печную трубу на хате деда Панченко. Удивление... и дед Панченко – необыкновенный.

– Почему?

– Ночью мы спать должны... вот солнце и опускается в трубу – пачкается сажей, чтобы не светить.

– А утром солнце моется?

– Обязательно: или в реке, если день ясный, или в тучах.

– А зачем мы перед сном моемся, утром опять умываемся?

– Чтобы простыни не пачкать, – вмешалась сестра.

Простыни... неинтересно... а солнце совсем скрылось в трубе, но темнота еще не наступила – наверное, полностью не покрылось сажей.

Было одно нестерпимое желание увидеть вблизи, как солнце за сажей в трубу опускается. Но до хаты деда Панченко необходимо преодолеть железную дорогу, к которой мне запрещено даже подходить.

Однажды пути были «чистыми», и во мне исчез страх – бежал изо всех сил... Дед Панченко сидел на скамейке у забора и грозил мне пальцем.

– Куда, стервёнок, как малохольный, через путя мчишься?

– Дедушка, дедушка! Пойдем быстрее... покажи, как солнце в твою трубу садится...

– ...Какое солнце?.. В какую трубу?.. Где горит?.. – он соскочил со скамейки и кинулся во двор, а я увидел: солнце

скрывалось за большим раскидистым тополем на той стороне реки.

Слёзы пытались смыть неправду, но это им не удавалось при всём их обилии. А память не сохранила последующие минуты, часы, а может, и месяцы жизни.

Взгляд из будущего

Когда обнаруживаешь ложь о том, чем ты живёшь, погружаешься в скверное состояние. Может возникнуть безразличие к окружающим, если нет тормоза от скверны... и нет желания быть самостоятельным.

У самостоятельных людей главная вера в знания, ибо в познании они докапываются до истины. Скользить по поверхности знаний предельно легко и безответственно. Если нет веры в себя, знания отсутствуют, то он, чаще всего, становится высокомерным.

Своим детям и внукам никогда не объяснял явления природы или жизни абстрактно или с фантазией... надеюсь, это приблизило их к самостоятельности на более ранней стадии, чем меня.

Жизнь ничему не учит, она наказывает тех, кто не учится.

Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина

– Делали, что хотели, а получилось ненужное... лучше бы не делали.

– Лучше бы не хотели! – вставляет Лёха.

– Глупо разгоняться к краю пропасти, не имея крыльев...

– И какой же русский не любит быстрой езды... по краю пропасти... хоть плачь, хоть ржи, – добавляет Ваня Голиков.

– Время летит при движении к цели. Решаешь задачу – не замечаешь время, его как бы нет...

– Но Родина слышит, Родина знает... – предупреждает Ваня Голиков.

* * *

Дед Панченко ловко проглаживал деревянный брусок рубанком, из которого выползала стружка, изворачиваясь в крендель, усыпая пол, источая терпкий запах. Дед пел, а меня прижало к стенке страхом – у другой стенки стояли гроб и крест... Может, дед Панченко скрывает свой страх?

– Дедушка, тебя не пугает гроб?

– Гляди, какой ладный... нет, не боюсь.

– А если тебя в него положат?

– Слава Богу!.. От бабки-ведьмы избавлюсь, – мне виделось, что прилетает подобие Бабы-яги, разбрасывает веселые стружки и мучает деда... поэтому он не боится смерти.

Видел, как паровозом перерезало рабочего на путях, и его крик о жизни до последней секунды... Когда его хоронили, за гробом шло много народу и все плакали... Что эти слёзы?.. жалость?.. или страх перед смертью?

Когда этой весной умер Сталин, плакали все, кого я видел... Что эти слёзы – утрата важного или ритуал оплакивания?

На соседней улице, оказалось, жила старушка. Ее хоронили несколько человек, безмолвно и без слёз... Старикам не нужна жизнь?.. Они не боятся смерти?

Боюсь я. Не хочу, чтобы плакала мама, которая всегда оберегает меня... Хочу много увидеть в этом мире и наделать вагон дел.

Может, деда доконала его «ведьма»? Во мне вскипала ненависть, закрадывался страх. Как ни радостно было смотреть на работу деда, страх встретить «ведьму» выгнал меня из его мастерской.

Прошло время, «ведьма» забылась, и я зашёл, как ни в чём не бывало, к деду Панченко в пахнущую стружкой мастерскую.

– Порадовал старика... бросаю все дела, идем лопать варенье, пока ведьма не пришла, – ко мне вернулся страх... Он повёл меня в дом, вошли в коридор, но дед назвал его «се-

нями», хотя сена там не оказалось. Потом вошли, как сказал дед, «во светёлку» – там, действительно, было светло... Он усадил меня за стол, поставил предо мной маленькую мисочку, налил из банки любимого мной вишнёвого варенья, наломал белого хлеба и сказал:

– Макай и жуй! – в это время в комнату вошла добрейшая бабушка Вера, с которой мы не раз пасли коров, и дед воскликнул: – Вот, моя ведьма пришла!.. Молока принесла!

Не знаю, какое чувство захлестнуло меня... бросился к бабушке Вере, обнял её и расплавился в слёзы и рыдания... И страх пропал – настоящей «ведьмы» нет... Почему?... Почему взрослые обманывают нас?

Анекдот о гирейцах от Саши Козюлина

Витя Полянкин неожиданно появляется на пороге тёщиной хаты...

– Тю, чёй-то?

– А налей-ка мне, Анастасия Романовна, граммов этак сто самогоночки... абрикосовой...

– А ху-ху не хо-хо?

– ...Даю червонец.

– Тогда налью, – Витя аппетитно выпивает.

– Огурчик дать?

– И сальцо неси... и за два червонца наполняй стакан, – с настроением выпивает и закусывает. – Давайте, выпьем вместе по стакану – три червонца кладу, – преодолевая опьянение, Витя настойчиво выпивает стакан после тёщи, – а теперь... анальгетик принят, хочу врезать тебе в глаз или куда попаду...

– За что?..

– За Зойку...

– Кто такая?

– Жена моя...

– Но её Катериной зовут!..

– Не-ет! ЗОЯ – змея особо ядовитая... Не ссы в кулёк...

четыре червонца даю...

– Деньги вперед!

Хрястнул Витя теще в глаз, застучала она костяшками по полу, как высыпанные доминушки по столу.

– А меня труба зовет, – на выходе натывается на жену.

– Отдал матери пенсию?

– Отдал... поддал... и дал в глаз...

– Вижу, нажралась, скотина!

– Прочь с дороги, пошёл долги раздавать...

– Куда ещё?

– На горшок, быстро не жди!

Услышав стон матери, Катька вбегает в хату и видит: мать опёрлась на стол с багровым левым глазом.

– У-у, змеюка, приползла...

– Да чё вы такое говорите, мама?!

– Такого мужика искусила...

– Это кто мужик, Витька?.. Тюфяк и урод...

– Он мужик! А ты – сука драная.

* * *

– Жизнь выворачиваю наизнанку, чтобы убежать, вырваться из объятий глупости, лжи и насилия, – изливался Лёха, теребя газету. Красивая ложь в этой двухкопеечной «Правде»! Требовательной глупости в призывах и лозунгах партии и её ЦК по самую макушку – захлебнуться можно на-

роду. Кто выполнять будет? Двухметровый дядя Федя Хромой из костылей ходули сделает?.. «Тупому» народу «умные» подсказки делают, чтоб он не умер с голоду. Частички глупости прячутся за лозунгами людей, указывающих с серьёзным видом «направление к цели» и высокомерно тычущих пальцем в местонахождение цели. Главная глупость в том, что страной управляет всеми слышанная, но никем не видимая «партия», а конкретные люди выполняют её «волю», пряча в ней свою ответственность. «Диктатура пролетариата» карает не тех... Она не видит работающих на себя, обходящих законы и умеющих красиво убеждать, что трудятся «на благо общества». Но хорошо видит тех, кто работает на себя, творит жизнь многим – «коллективный разум» такое коробит, – дух индивидуализма действует, как ладан на сатану. Вот почему большевики не жалуют великих русских меценатов. Сдай они что-нибудь в партийный «общак» – можно было бы отметить, как Савву Морозова. Не вижу счастливыми тех, кто борется с выдуманными препятствиями – это спешка, недогляд и неучёт последствий. Мои препятствия во мне – моё незнание, моё неумение, мои недостатки, и с ними – моя единственная борьба... преодолев которые, не найдёшь внешних препятствий.

– Лёха, ну, ты даёшь, будто мозги у «коллективного разума» вскрывал... Ты не прав, Лёха! «Партия – наш рулевой», а ты его опускаешь в речку-вонючку... народу «хочется ласковой песни и хорошей большой любви» к вождю...

если быть честным, новый вождь не ровня Сталину, но любовь зла, полюбишь и козла, а тем более – поросёнка.

* * *

Мне всегда виделось, что гирейцы умеют выдумывать изощрённо и выразительно.

Илларион Чубук, а для нас, пацанов, дядя Ларя, в тяжёлые для самогонщиков времена (участковый милиционер по директиве сверху пронюхивал подозрительные дворы) придумал устройство для создания кальвадоса.

У него был роскошный яблоневоый сад, в котором ставляли две дубовые 120-литровые кадушки. Собирали падалицу и заполняли две трети кадушки... Дальнейший технологический процесс: на две трети заливается вода, засыпаются ведро сахара и три горсти куриного помёта – «лучших в мире дрожжей», перемешивается и... брожение пошло.

В продаже дрожжей нет и не предвидится. Ведётся активная борьба с самогоноварением?.. Щас!..

Тётя Мотя приходила перенимать опыт, морщилась и кривилась, но согласилась – помёт всегда под рукой: цыпочки регулярно облеглаются.

Участковый, унюхав бражный запах, устроил обыск во дворе Чубука... но самогонного аппарата не нашёл.

– А на кой хрен ты забраживаешь яблоки?.. Воздух портишь...

– Для бекона...

– Чё за хрень?

– Неделю свинью кормлю комбикормами – сало наращиваю, неделю – мочёными яблоками и по двору гоняю – слой мяса образовывается...

– Ну, хохлы, чё с салом не надумают...

А ларчик просто открывался: в титан, обогревающий сарай с живностью в зимний период, дядя Ларя врезал дополнительный трубопровод, который протянул в слесарно-столярную мастерскую с выходом в шкаф для инструментов.

В нужный момент, когда в кадушке через 7-8 дней брожение прекращалось, сливалась и отжималась брага и выливалась в водный отсек титана. В топку закладывались и поджигались дрова... Здесь начинало кипеть, а в шкафу в трехлитровую банку капало и лилось.

В качестве информации к размышлению: в те времена в магазинах Гирея водку не продавали – просто её никто не покупал...

Элементарная арифметика: 0,5 литров самогонки стоили 1 рубль, можно, если очень захотеть, приобрести ту же 0,5 чистого медицинского спирта за 4 рэ, из которого можно сделать две бутылки водки, а водка стоила 2,67... Да! Гирей не пополнял бюджет страны прибылью от водки.

Ну а дядя Ларя после промывки агрегата совершал вторую перегонку, доведя градус спиртов в напитке под названием «Кальвадос» до 60... И назначалась дегустация. Глав-

ным дегустатором приглашался дядя Федя Хромой.

Он присаживался на скамейку с края стола, справа рядом приспособливал костыль и на него укладывал свою короткую ногу.

В стограммовую стопочку наливался «Кальвадос Чубука», от которого несло вонюю, превышающей амбре свиарника.

Морщась, дядя Федя вертел носом в поиске бессмрадного пространства... нашёл за левым плечом... набрал воздуха... затаил дыхание... с открытым ртом запрокинул голову и вылил содержимое стопки прямо в пищевод, минуя вкусовые рецепторы языка и нёба... выдохнул: «Х-х-х-у-у-...», воспроизводя кулаком по груди заячью дробь...

В мгновение ока дядя Ларя подсовывает небольшой солёный огурчик, который в секунды, как пропущенный через мясорубку, исчезает во рту и проглатывается одним движением.

Дядя Федя закричал, запыхтел, хлопнул по верх живота.

– Ларик, прошло и легло... требуется добавка...

«Ларик» наполнил стопку, придвинул тарелку с огурцами, салом и горчицей.

Дядя Федя посмотрел на стопку, как на клопа, которого надо уничтожить зубами. Зажал нос двумя пальцами, открыл рот, накрыл губами рюмку и залпом, в один глоток, отправил напиток по назначению... сморщившись, дёрнулся кверху всем телом, будто ему воткнули клизму ... закусил

салом , изгоняя изо рта жгучее зловоние.

– Бог любит Троицу, – в третий раз наливается в стопку смрадный напиток.

Дядя Федя смотрит на стопку, как удав на кролика ... и дегустация продолжилась... Дядя Федя выдаёт свой вердикт.

– Вещь сильная и настолько же зловонная... не в дрожжах дело... Суть в яблоках – собрал ведро и в кадушке пусть бродят, а не гниют... подсыпаешь яблочки, подсыпаешь сахарку, подбрасываешь дрожжей...

– Подумаю, Федя... подумаю.

– Думай, Ларик, думай... А теперь ставь себе стопочку... Мне интересно, как ты будешь гавриться от своего самогона... яблочного... И поговорим по технологии детально и, вообще, о жизни, о бабах... Сало у тебя отменное, настоящее хохляцкое, – в это время дядя Ларя пытается пригубить стопку своего напитка, но нос не подпускает близости с ним.

– Во! Ларик!.. это тебе не участкового обманывать... носопырку не одурачишь, – дядя Ларя, захлёбываясь, всё же влил в себя содержимое стопки, зафырчал, задергался, как собачонка, вылезшая из воды.

– Закусывай огурчиком, у меня четвёртая прошла, как по накатанной...

– Нет, Федя, с этим надо что-то делать... крепка, но... не аппетитна.

– Делай, Ларик, делай... а мне накати пятый стопарь... за преодоление препятствий... добрести до хаты.

– Федь, Ларика со второго стопаря разнежило, я уж с десятков лет живу вблизи тебя и вижу, что нет у тебя друзей...

– ...и врагов тоже нет. А друзья все в полях лежат от Сталинграда до Берлина, сам-то я только до Варшавы дошёл... а друзья... не вижу, с кем можно в разведку сходить... разве что Сергеич, твой сосед, но он тоже самостоятельный мужик и возраст, когда не хочешь обременять друзей и враги не нужны... А вы, пацаны, сопроводите меня до хаты, сдайте Манюше, она меня проводит в постельку... Эх, жизнь!.. Только радуйся... аромат и вкус, Ларик, вот что должно быть на втором месте после градусов...

По дороге, через два двора, дядя Федя в который раз рассказывал о том, как вражеский пулемёт неожиданно «долбанул» из «погашенного» дзота. Как он «отделался изодранной икрой на левой и перебитыми костями на правой ноге, а у друзей Славы и Жени души отлетели на небеса... и слёзы полились дождём.

Анекдоты о гирейцах от Саши Козюлина

Рассказывает Михалыч:

– Купил я, Саня, по весне в Черединовке хатку полуразвалившуюся... так, под дачу и огород с садом. Рядом лес, река. Воздух чист, как слеза ребёнка. Выйдешь ночью покурить – благодать!. Папироса в рот не лезет. А тишина... Ни пыхтения паровозов, ни стука колёс об рельсы, ни гудков. Слышно, как огурцы на грядках растут, легонько так шуршат. За-сунешь руку в куст – Михалыч делает характерный жест рукой, будто в куширях ловит рыбу, – схватишь за хвост огурец, щёлкнешь ногтем по привязке.

– Михалыч, у тебя в огуречной грядке голавли да карпы водятся?

– Дурак ты, Саня, ночной огурец без соли – самый сладкий закусон к стопарику хорошего самогончика.

– Вообще-то, Михалыч, на хутор посылают бабочек ловить, а ты огурцы ловишь. Метаморфоза...

Рассказывает Михалыч:

Сижу, подстригаюсь и говорю Макс Павловичу:

– Честно и откровенно завидую – всех вы победили от фараонов до фашистов, их нет, а вы живёте...

- Таки шо хочешь сказать?
- У вас везде Родина, а у меня одна и одно государство...
- Таки поменяй государство.
- А ты будешь Иисусом Христом...
- Распятым быть не хочу...
- Во-от! Распятым не хочется, а мозги возбуждать вы мастаки, поэтому гоняют вас по всем уголкам земного шара.
- Лично я здесь неплохо «бабки» стригу...
- Пока... Никита не закроет частную лавочку.
- Откуда сигнал?
- Газеты надо читать, с пленума ЦК.
- Ох уж эта ЦеКатуха, на выдумки хитра, а я не морозостойкий еврей из Биробиджана.

* * *

Отсутствие любви к жизненным действиям порождает скуку, которая омутом затаскивает людей. В детстве я любил слушать даже тех людей, которые не нравились своими мыслями и поступками.

Прошлое раскрывается в памяти, если в сознании произошли изменения, то возникали иные лица, иные краски в голосе, иные мысли и слова.

Отношение к людям, окружавшим меня в детстве, разное – от любви до неприязни, что не даёт всё это забыть. Прошлое вспоминается легко, если оно дорого, Ощущать при-

вязанность в настоящем – это любить и понимать людей.

Чувства возникают разные к тем, кого слушал, и к тому, что слышал...

* * *

– Нюр, чё, разводитесь?

– Да... наверное, нет... Этот паразит испортил лучшие годы моей жизни. Так пусть же содрогается при виде меня до конца дней своих!

– Понимаю... к «паразиту» привыкла, а другим ты не нужна. Кто кому испортил жизнь – надо думать...

– Общего языка не можем найти...

– Говорите каждый на своём... а может, толмач нужен?

– Брехач!.. Он ни слова не говорит, только лыбится, вошь кусучая!

– Может, он воспитанный – не хочет женщину прерывать.

– Если воспитание, то железное – надо ехать в Гулькевичи тарелки покупать: злюсь и бью, а ему хоть бы хны, таракан бесчувственный. Если дурак, то навечно – не будет спора с ним на равных.

– А какой под одеялом?

– Ну... дорвётся – не спорю и не сопротивляюсь.

– Во-от! Чё спорить-то? Чё гавкать-то?! Туды-сюды – и жизнь налажена, и чё доказывать своё главенство?

– Степановна... так это чё? Я дура?! Вот сучка драная.

Воспоминания из будущего

Воспоминаниями живу спокойно и тихо по годам детства своего, будто обтекаю памятью себя.

В прошлом вижу Гирей особенным и неповторимым, подобно моему детству.

Гиреец выстроен из множества частей.

Какие-то части – для внутреннего употребления их всякий их увидит и поймёт.

Какие-то для наружного потребления – все должны его понимать и восхищаться его достоинствами. Но главное – уметь удивляться.

Таинственный и неподвижный мир прошлого высвечивает в памяти «героев» и «кумиров» гирейского разлива.

Ваня Рубцов... Когда тархтел его мотоцикл, пацанва сбегалась на «чёртов бугор» посмотреть на его трюки: езду на заднем колесе, езду без рук на руле, управление задницей... «волну между ног», когда вертикаль мотоцикла склоняется вправо, затем влево, а Иван стоит на опорах мотоцикла; езду на корточках на сиденье и множество других трюков. Особенно восхищало зрителей его умение ставить «моцик» на дыбок, и все переживали за Ваню, когда он нечаянно въезжал в забор.

Выбегал хозяин с криками, воплями к всевышнему и проклятиями «рубцовскому отродью»...

Иван глушил «моцик» и спокойно объяснял хозяину, что забор был с гнильцой и не вынес лёгкого прикосновения, а починить его – «два пальца об штакет», и через час всё будет на «мази». Заводил «моцик», прыгал на сиденье, выкручивал до предела газ и исчезал вместе с пылью за поворотом.

Через несколько минут появлялся с брусом, с пятью штакетниками, гвоздями и молотком... и мы, пацаны, помогали.

Через пятнадцать минут забор исправлен. Хозяин восхищённо почёсывает задницу – оставшиеся две штакетины пригодятся в хозяйстве.

Жека, Ванькин брат, но с фамилией Никольский – любитель тишины и сидячего образа жизни. Его увлечения – журналы «Юный техник», «Радио», транзисторы, микрофоны, паяльник... и «Орёл! Орёл! Я – Сокол из Гирея» – «Орёл из Гулькевичей» – «Есть дальше?» – «Меридиан из Отрадо-Кубанки» – «У-у!» – «Армавир тебя уже не слышит» – «Буду работать над аппаратом».

Через неделю: «Я – Сокол, Гирей, кто дальний слышит меня» – «Тихорецк» – «У-у» – «Армавир» – «У-у!.. но буду работать над аппаратом».

Через две недели: «Сокол из Гирея, кто есть дальние?» – «Новороссийск» – «У-у» – «Таганрог» – «У-у!.. но работаю над аппаратом».

Через месяц: «Сокол! Кто слышит?» – «Тюмень» – «У-у! Чё у вас?» – «32» – «Чё 32?» – «Мороза!» – «У-у!.. у нас

плюс 12» – «Африка!» – «Кто ещё?» – «Котлас» – «Бухара» – «Красноярск» – «Львов». «У-у-у! Работаю в эфире!»

Витя Гуров – универсал!

Восхищал пацанву, взбираясь по стволу дерева, будто по лестнице, словно папуас по пальме за бананами. Многие пробовали, понимая механику такого передвижения, но для меня, конкретно, был сбой в последовательности перемещения одной из четырёх конечностей, тренировки до автоматизма не моя стихия – высушивает мозги.

Любопытство заставило Витю изучить анатомию человека и стать просветителем впо этому вопросу среди невежественных дядек и тёток... Правда, от некоторых стариков получал костылём в лоб, но это были естественные издержки применения знаний на практике.

Виртуозно владел велосипедом, который слушался его, как конь под джигитом... От скуки был радиолюбителем – увлечение многих того времени: мечтали поймать сигналы спутника. Был опытным пловцом, изобретателем своего стиля плавания «гуровский винт»; к сожалению, Олимпийский комитет не принял этот стиль, посчитав его не от здравого ума, но для стремительного потока Кубани «винт» позволял переплывать на тот берег практически под прямым углом.

Боря Лобченко... Семьянин и патриот своей малой родины... После армии его могли оставить в любом московском футбольном клубе – он был классным вратарём, но он вернулся в Гирей, к матери и двум братьям, к хозяйству, ко-

торое надо было подымать – пусть он не доучился, но братья должны закончить школу и продолжать образование.. Боря учил меня вратарскому искусству, и оказалось, что главное – поймать мяч и приземлиться с опорой на него, а тело аккуратно уложить на место падения... Не поймал мяч – сам виноват, ляжешь костями на твёрдую землю.

Боря был энциклопедией футбольного мира, знал биографии, способности и возможности именитых и перспективных футболистов и тренеров... мог часами комментировать виденные им воочию или по телевизору матчи – это был завораживающий рассказ, после которого ощущалось, что футбол – самое прекрасное, что есть на свете.

Не помню ни имени, ни фамилии парня, старшего по возрасту, но он восхищал меня тем, что ругался и матерился одним приличным словом в любых обстоятельствах: «утварь» – различные эмоциональные звучания и введение слова в нужный контекст... от простого: «Ты, утварь!», до: «Мелкотравчатого желания утвари!» Других ругательных слов он не применял.

После моего девятого класса он пропал из моего поля зрения, и судьба его мне неизвестна, но «утварь» запомнилась.

Особенности и достоинства каждого гирейца принадлежали ему самому и Гирею. За пределами Гирея прорастало в профессиональной деятельности или увлечениях души.

На скамейке у «Майора»

«Майор» или «Лётчик» говорил, что он служил в полку Василия Сталина, что из его тела после последнего боя вытащили 216 граммов свинца а 81 грамм остался.

На его скамейку набрёл случайно: среди пацанов-слушателей были мои одноклассники. Щупленький мужичок с пронизательным взглядом и с озлобленной тоской в глазах, жестикулируя, говорил: «Думаю, Иосиф Виссарионович тоже не терпел идеализма. Считаю, что стремление к идеалу – это попытка поцеловать себя в задницу. Сталин был реалистом в стремлении достичь наивысшей возможной власти и сформировал своё мировоззрение и характер от наивности до мудрости.

Сказанное было интересным, но «Летчик» пугал своей обострённостью чувств. Слышанное пересказал отцу – реакция различная: смеялся в полную силу, значит, слышал какую-то лабуду, с иронией улыбался – уловил правду, гнев – согласен с ним на все сто. Рассказчик гневался, будто матерился, повторяя: «Подлецы». Одобрение и согласие подтверждалось короткими комментариями: «Да, это жизнь! Обстоятельства бывают сильнее нас, если они неожиданны. Согласиться с другом – значит верить ему, согласиться с врагом – стать его рабом».

Сталин – реалист, далёкий от фантазии, поэтому ему

трудно представить выдуманное явление, но понимать-то требовалось, и тогда – непродуманный аргумент, например, кем-то придуманную «диктатуру пролетариата». Вот что пишет Сталин: *«Диктатура пролетариата и крестьянства означает диктатуру без насилия над массами»*. (Попахивает противоречием). Им же было сказано: «Без насилия диктатуры не бывает...» (детский лепет), *«диктатуру волей масс»* (вот здесь ахинея: разум и воля не могут быть общими, они принадлежат только личности), *«диктатуру для обуздания воли врагов этих масс»* (а в этой ахинее прячется желание выдумать тех врагов, которых обязательно надо найти и уничтожить, а врагов придумывать не надо – для России они всегда есть, но с ними надо работать, а выдуманные не страшны). В понимании Сталина диктатура пролетариата нужна, чтобы не было *«всеобщей свободы, т. е. никакой свободы слова, свободы печати и пр. для буржуазии... предоставить пролетарским слоям свободу для того, чтобы остатки буржуазного класса не получили даже минимума свободы»*. Диалектикой обыгрываются максимум и минимум. Видно, что по вопросу диктатуры пролетариата Сталин адепт, но извлекает из убеждений «предыдущих ораторов» нужную мысль для достижения своих целей, для влияния и даже давления на «окружающую среду», но, как он считал, во благо страны (в заблуждении).

«Лётчик» продолжил: «Видел тех, кто возненавидел кумиров. Они возненавидели и себя, своё прошлое, не остав-

для доброго для будущего. Видел тех, кто не отказался от кумиров, но проникся ненавистью к подлецам, свергнувшим кумиров – ненависть в любом виде разрушает доброе в душе и всегда отключает возможность понимать. Гнев и ненависть накрыли и меня после XX съезда КПСС. Желание понять умиряет и гнев, и ненависть, если есть необходимость жить без них.

Мудрость Сталина в том, что он в полной мере использовал свои знания и знания своих приближённых. Движение к мудрости имеет единственный сценарий: желание знать, желание быть, учиться познавать, иметь свой опыт, уметь анализировать свой и чужой опыт и знать одну истину: ошибаются и заблуждаются все, но чаще всего те, кто устремлён к цели... Цель сама по себе – выдумка и не существует в реальности, поэтому дорога к ней не имеет рационального решения. Наивность Сталина в том, что он исключает некоторые этапы сценария и не исправляет свои ошибки, если они суть генеральной линии партии, а не имея сомнений в теории марксизма, не разрушает заблуждений... Мудрость приходит позже, когда он поднимается над партией и не считается с марксистской доктриной, при этом понимая, что подлинный социализм основан на необходимости решать насущные потребности людей и первоочередные задачи страны»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.